

К 100-летию со дня рождения И. К. Тобилевича

Классик украинского театра

У каждого народа есть свои эпохи расцвета искусства, свой Ренессанс. Такой эпохой Ренессанса, бурного расцвета украинского театра и драмы, были последние десятилетия XIX века. После подготовительной работы двух с половиной столетий, — от первых спектаклей в стенах Киевской духовной академии и до возникновения многочисленных любительских кружков с репертуаром Котляревского, Квитки-Основаенко, Шевченко — украинский народ выдвинул не только блестящую плеяду драматургов, но и не менее яркое созвездие драматических талантов.

В многочисленной группе украинских драматургов той поры резко выделяется талант И. К. Тобилевича. Его пьесы в большей степени, чем все другие, были энциклопедией своего времени. Они давали наиболее глубокое и талантливое (в драматургической форме) изображение пореформенной капиталистической украинской деревни. И в сфере трагедии, и в области комедии его творения — «Сава Чалий» и «Хазяїн» — являются вершинами, непревзойденными пиком из современных ему украинских драматургов. Психологически более утонченные трагедии Леси Украинки уступают «Саве Чалому» в исторической широте, могучем объективизме и реалистической ясности письма. В области же комедии ни одно из созданий современников Тобилевича не может спорить с такими шедеврами, как «Хазяїн», «Мартин Борудя» или «Сто тысяч».

Тобилевич поздно вступил на литературное поприще. В 1883 году, когда появились первые его драмы: «Бурлака» («Чабан») и «Підпанки», Тобилевичу было уже 38 лет.

Иван Карпович Тобилевич родился 29 августа (по ст. стилю) 1845 года. По окончании четырехклассного училища 14-летний Иван определяется на писарскую работу в канцелярию пристава Абрамова в местечке Вись, и с той поры начинается его многолетняя чиновничья карьера, завершившаяся ссылкой в Новочеркасск. Коридоры бобринцевкой городской ратуши, полиции или местного суда в изобилии снабдили наблюдательного писателя материалом. Здесь, в присутственных местах уездной России, можно было услышать сотни удивительных рассказов, крепких анекдотов, горестных вывалей и причудливых небылин. Вчитываясь в пожелтевшие страницы аккуратно пронумерованных дел, в ровную писарскую строку, Тобилевич находил в них нечто большее, чем канцелярские окаменелости. За ними открывались подлинное горе, тягостные человеческие драмы, слезы народа, его бесправие и обманутые мечты.

Еще в юношеские годы Тобилевич увлекался театром, принимая активное участие в любительских кружках Голубовского, Тарнавского и др., познакомился с М. Кропивницким, в ту пору чиновником, актером и начинающим драматургом. Тобилевич выступает в немногочисленном еще тогда украинском репертуаре и в русских пьесах, среди которых одна сыграла особенно значительную роль в его духовном развитии. Это — «Доходное место» А. Н. Островского, в которой Тобилевич неподражаемо, по свидетельству современников, играл роль Жадова.

Глубокое изучение украинской литературы, творчества Островского, Шекспира, дружба с лучшими представителями народничества и разночинной интеллигенции, встречавшимися на его жизненном пути, воспитали гражданские идеалы писателя, любовь к общественной деятельности, веру в силу печатного слова. Тобилевич часто публикует на страницах «Елисаветградского вестника» статьи о театре, о пьесах, по важнейшим вопросам местной общественной жизни.

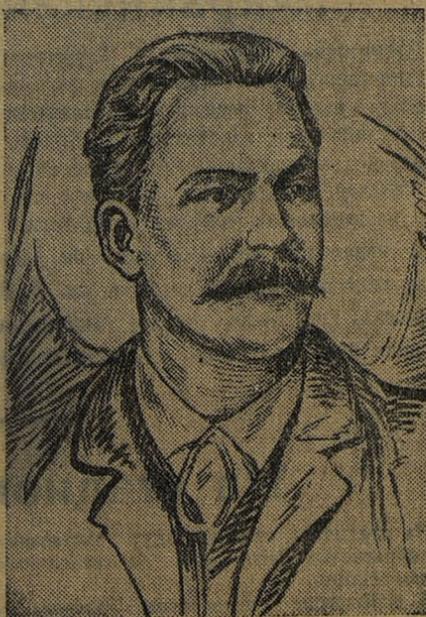
Интерес к критике и публицистике пробудился в нем под влиянием произведений русских революционно-демократических писателей: Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Герцена и других, статьями которых зачитывался Тобилевич. Его преклонение перед Белинским было настолько велико, что своего первенца он назвал Виссарионом. Тобилевич читает «Отечественные записки», герценовский «Колокол», «Полярную звезду», увлекается произведениями народников-беллетристов. Первые литературные опыты Тобилевича — это перевод на украинский язык «Книжки чеков» Г. Успенского и «Подлипковцев» Ф. Решетникова.

Эта духовная школа была главной и решающей в жизни писателя. В ее кругу, которыми он зачитывался и которые скрывал от бдительного глаза начальства, значатся и Вольтер, и Дидро, и Бокль, и Милль, и сочинения Михайловского, и «Письма из деревни» Энгельгардта. Однако самое сильное влияние оказали на него литературно-публицистические и философские работы владельцев дум революционной России.

В конце 70-х годов над головой Тобилевича сгущаются тучи. Его обвиняют в распространении вредных идей, подрывающих существующий строй, изгоняют в отставку, а затем ссылают в Новочеркасск с запрещением когда-либо возвращаться на Украину. К этому времени Тобилевич, оставивший без службы, вступает в театральную труппу М. Старицкого. Начало артистической карьеры писателя

было менее блистательным, чем дебюты его братьев — М. К. Саловского и П. К. Сажсаганского. Простота, естественность, стремление к натуральности изображения, отказ от «комикования» и ложного пафоса мелодрамы в ту пору в провинции не всеми почитались за истинные достоинства артистов.

Театральная карьера Тобилевича оборвалась в самом начале. Осталась драматургия. До ссылки он вчерне написал две пьесы. В Новочеркасске Тобилевич продолжал писать. Там он создал «Бондарівну» (1884 год), «Наймичку» и «Розумного і дурня» (1885 г.), «Безталанну» и «Мартина Борудю» (1886 г.). В последние два года в Новочеркасске он не написал ничего и только после возвращения на Украину, которое состоялось благодаря хлопотам друзей и родных в Чертербуге, Тобилевич в конце 1889 года снова берется за перо. С 1890 года все его новые драмы и комедии пишутся па

хуторе Надежда, близ Елисаветграда (Кировограда). Здесь созданы: «Сто тысяч» (1890), «Батькова казка» (1892), «Паливода XVIII століття» (1893), «Лиха іскра» (1896), «Понад Дніпром» и «Чумаки» (1897), «Сава Чалий» (1899), «Хазяїн» (1900), «Гандзя» (1902), «Суєті» (1903) и «Житейське море» (1904).

С 1890 года он проводит большую часть жизни в разъездах по Украине и России в качестве актера и организатора одного из крупнейших объединений украинского театра. Дни «великого поста» и редкие недели лета живет на хуторе Надежда, напряженно работая над новыми пьесами. Популярность Тобилевича-драматурга растет из года в год. И хотя, работая в очень трудных условиях, он успел написать всего 18 пьес, уступая в количестве написанного многим современникам, Иван Франко называл его «выдающимся драматургом, равного которому не знает наша литература», «Карпенко-Барый» — утверждал Франко, — не дал себя ни разу сбить с дороги серьезного драматического творчества, завоевывал при этом своими лучшими драмами более широкую почву для исторической, социальной и даже политической драмы».

В последних двух пьесах Тобилевича — «Суєті» и «Житейському морі» ощущается, несмотря на отдельные блестящие зарисовки и образы, упадок творческих сил драматурга. «Житейське море», по мнению большинства объективных биографов и критиков, «показує значний упадок артистичних сил автора» (Франко). В морализаторстве последних пьес, в тенденциозных восхвалениях земли и «разумного» крестьянского хозяйства, как средства спасения от городской деморализации и упадка нравственных сил, сказалась усталость 60-летнего писателя, прожившего жизнь, полную лишений, сказалось его разочарование бытовой стороной театра, его тревога перед надвигающимися событиями первой русской революции, которой он, типичный представитель народничества интеллигенции, не понял. Сказались и скрытые еще от постороннего взора симптомы тяжелой болезни — рака печени, сломившей в 1907 году его поистине могучий организм. Поэтому революционные события 1905 года не послужили толчком к новому взлету творческой энергии драматурга. «Теперь писать не могу, — жаловался Тобилевич в письме из Николаева (26/III—1906 года), — и вот уже два года не пишу, — время такое, что дает материал только для публициста». То, что смогли увидеть авторы «Матери» или «Фата-Моргана», было уже недоступно затуманившемуся взору Тобилевича — создателя бессмертного образа Терентия Пузыря.

В творчестве Тобилевича отразилась идеология крестьянства периода интенсивного развития капитализма в украинской деревне на рубеже двух столетий. Она отразилась со всей силой внутренних противоречий — от революционного срывания масок с общины, с кулака-мироода, от глубокого показа классового расслоения деревни, становления всемогущего агрария «господина современной деревни» (Ленин), — до примирения с действительностью и исповедования взглядов либерального народничества. В лучших своих произведениях: «Хазяїн», «Сто тысяч», «Розумний і дурень» Тобилевич выступает как художник-реалист, беспощадно разоблачающий капиталистическую действительность старой России.

В драмах и комедиях Тобилевича, наряду с выражением исконной ненависти крестьянства к чиновнику, ростовщику, к сословной школе, к бюрократическо-полицейскому режиму, к помещику и «чумакому» хитрику из крестьян, — находит место и правдивая вера в возможность таких общественных и экономических реформ, которые, не возвращая крестьянства к ненавистному крепостному состоянию, оградили бы его от разорения, пауперизации, неразлучной с капитализмом. Тобилевич с беспощадностью обличителя рисует жизнь, в которой безраздельно господствует денежный расчет, а хозяева типа Кашитки («Сто тысяч») или Пузыря («Хазяїн»), во сто раз более сильные, чем артельные проповедники или просвещенные защитники прогресса, подобны помещику Золотничкому.

Не традиционные столкновения добродетельных героев со «злодеем» мелодрамы кладет Тобилевич в основу лучших своих пьес, а подлинную картину жизни, с париями в ней зоологическим индивидуализмом, с мало заметными вначале «экономическими несчастьями» (Тобилевич), которые влекут за собой катастрофу и гибель человеческих жизней. Тенденция в этих пьесах рождается в результате развития действия и столкновения характеров без особого на нее указания со стороны автора.

В ряде своих пьес, относящихся, главным образом, к первому периоду творчества, в «Бурлаке», «Підпанках», «Наймичке» и «Безталанній», Тобилевич выступает как горячий защитник «униженных и оскорбленных», как великодушный знаток крепостнической и полукрепостнической деревни с ее специфическим бытом, культом насилия и произвола. По своим художественным особенностям эти пьесы, несмотря на всю их оригинальность, несомненно еще в тесной зависимости от мелодраматического театра М. Старицкого и бытовой драмы М. Кропивницкого.

Вторую группу пьес составляют исторические драмы и комедии — от сценической шутки — «Паливода XVIII століття» до такого шедевра, как «Сава Чалий». В них Тобилевич обращается к героическим эпохам истории Украины, широко используя народные думы, предания и стараясь передать не только бытовые подробности, но и дух, атмосферу старины. «Сава Чалий» — лучшая из исторических пьес Тобилевича — знакомит нас с прошлым украинского народа не только в плане национально-освободительной, но и социальной, революционной борьбы. Это — самая «шекспиловская» пьеса украинской драматической литературы. Однако со стороны формальной три другие драмы: «Бондарівна», «Лиха іскра» и «Гандзя» мало чем отличаются от приемов исторических пьес М. Старицкого.

В «Розумном і дурні» (1885 год) Тобилевич закладывает фундамент своей трилогии правды, своей сценической, человеческой комедии, составными частями которой, кроме названной пьесы, являются: «Сто тысяч» (1890 г.) и «Хазяїн» (1900 г.). Именно в этих пьесах сделал Тобилевич главное дело своей жизни, показал с большой реалистической силой новую деревню, новые экономические отношения, новый быт, новых, неизвестных до него театру, героев. Пьесы эти создавались на протяжении 15 лет, и, внимательно изучая их, можно увидеть, как совершенствовалось мастерство драматурга, росла его наблюдательность, способность обобщать жизненные явления: как, угадав истину в начале пути, он познал ее в конце и воплотил в классические образы «Хазяїна». Эти пьесы, в конечном счете, определили новаторство Тобилевича, его славу творца украинской реалистической и психологической комедии, свободной от влияний, хотя и выросшей из лучших традиций мировой комедии.

Тобилевич не был бы сыном своего времени, учеником беллетристов-народников; если бы он на протяжении всей своей жизни не задавался вопросом: что делать? Как бороться с разрушением деревни, со сленой силой, разоряющей нищету и голод на одном полюсе, миллионы — на другом. Чем врачевать людей, искалеченных суевой жизнью, атмосферой наживы, людей, опустошенных капиталистическим городом? Пьесы, в которых драматург пытался дать ответ на эти вопросы, нередко становились жертвами обремененной тенденциозности, пресного морализаторства, и они заслуженно забыты театром («Батькова казка», «Понад Дніпром»). В «Мартині Боруді» (1886) атмосфера еще ясна и безоблачна. Автор, шутя, высмеивает ошибку Борудя, и только трагикомический финал не может скрыть грустной улыбки писателя. В некоторых трудных пьесах этой группы жизненные краски тускнеют и морализаторские нотки берут верх. Мы уже писали в этом плане о двух последних пьесах Тобилевича — о «Суєті» и «Житейськом морі».

Так, в поисках ответа, проходит вся жизнь драматурга. И лучше всего, глубже всего отвечает он на мучительные общественные вопросы там, где не задает специально морализаторскими, правдоубылыми целями; там, где руководит художник, реалист и гуманист.

А. БОЩАГОВСКИЙ.